DOI: 10.17976/jpps/2015.06.08

МЯГКОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ ЯПОНИИ

С.В. Чугров

ЧУГРОВ Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД России, главный редактор журнала "Полис. Политические исследования". Для связи с автором: new-polis@politstudies.ru

Статья поступила в редакцию: 22.08.2015. Принята к печати: 21.09.2015

Исследование по теме "Использование 'мягкой силы' в АТР (опыт Японии в свете перспектив российской политики в регионе)" проведено при поддержке РГНФ (грант 13-03-00282а)

Аннотация. После Крымского референдума и развертывания войны на Юго-Востоке Украины Россия с гораздо большим интересом стала глядеть в сторону Азии, а система отношений с Западом после ряда испытаний оказалась в глубоком кризисе. Не менее глубокий кризис охватил и основанную на принципе баланса сил Вестфальскую систему, вместе с наследовавшей ей Ялтинской системой. Может ли Восток предложить на смену что-то конструктивное? Автор анализирует предложенную японским политологом Хякудая Сакамото систему "глобальной биоэтики", которая базируется на принципе гармонизации интересов и использования мягкой силы. Япония относится к числу стран, максимально эффективно применяющих мягкую силу для создания своего позитивного образа в мире. Укоренившиеся представления о достоинствах мягкости и компромисса как ценности присутствуют в национальном сознании японцев с незапамятных времен. Официальный Токио с помощью инструментов "тонкой настройки", соответствующих принципам биоэтики, эксплуатирует культурное своеобразие страны, целенаправленно содействует культурной дипломатии, концентрирует усилия на создании привлекательного национального бренда. В статье разбираются стратегия и тактика, а также методы использования Японией мягкой силы и на российском, и на китайском направлениях. Автор рассматривает причины особой притягательности японской культуры. Анализируются и позитивные моменты, и трудности, которыми сопровождается налаживание межкультурного диалога. Отдельный анализ посвящен деятельности Японского фонда, главного агента японской мягкой силы. Автор делает вывод, что сочетание конфуцианской модели Китая и японской глобальной биоэтики перспективно как прообраз новой системы международных отношений для Азии, а возможно, и для всего мира.

Ключевые слова: Россия; Япония; Китай; Азия; Восток; Вестфальская система; мягкая сила; образ России; политическая культура.

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает?
Р. Киплинг

Крушение Вестфальского и Ялтинского порядков

Со времени публикации стихотворных строк Редьярда Киплинга и "западники", и "восточники" уже тысячи раз процитировали первую строку

"Баллады о Востоке и Западе", но сейчас как никогда ранее актуальной становится третья строка: "Но нет Востока, и Запада нет". Запад вступает в период кризиса, и ось мировой истории сдвигается в сторону Востока.

После Крымского референдума и развертывания войны на Юго-Востоке Украины Россия с гораздо большим интересом стала глядеть в сторону Азии, а система отношений с Западом после ряда испытаний оказалась в глубоком кризисе. Не менее глубокий кризис охватил и основанную на принципе баланса сил Вестфальскую систему, вместе с наследовавшей ей Ялтинской системой. Может ли Восток предложить на смену что-то конструктивное?

Евгений Примаков еще в 1998 г. предлагал развернуть Россию на Восток – к Китаю и Индии. Казалось, идея получила поддержку Бориса Ельцина, но потом "затерлась" в бесконечных дискуссиях, не будучи востребованной политической элитой. Политический ресурс был ограничен, и, несмотря на то, что тень увеличивающего свою мощь Китая вызывала робость в российском истеблишменте, реальные внешнеполитические действия сфокусировались на постсоветских странах Азии. 15 декабря 2011 г. Примаков в ходе пресс-конференции Владимира Путина обратил его внимание, что активизация взаимодействия стран евроазиатского пространства порождает некоторые "дискомфорт и беспокойство" у западных партнеров[1]. Нужно ли уточнять, насколько возрос этот дискомфорт в разгар кризиса вокруг Украины и усиления восточного вектора российской политики?

Крутые повороты истории в Азиатско-Тихоокеанском регионе и события вокруг Крыма и Украины показали, что Восток лишь формально следует канонам Вестфальской и Ялтинской систем. Еще недавно в международных отношениях господствовал политический реализм с его опорой на рациональные (чаще силовые) факторы. Постепенно стали заявлять о себе иные принципы, заложенные в восточном менталитете и не столь очевидно выраженные в западном. Азия управляется ценностными нормами, отличными от западных, направленными на сочетание политического реализма и присущего азиатскому обществу стремления к гармонизации отношений на основе консенсуса. Опора в критические моменты на жесткую силу сменялась периодами использования инструментария мягкой силы.

Ментальности народов дальневосточной цивилизации не свойственны конструкты, основанные на открытом противоречии. Происходит мягкая замена противоречия на противополагание (например, 对立 – яп. *тайрицу* и кит. *дуйли* – "стоять напротив"). Дальневосточному менталитету свойственно отрицание ряда парадигмальных схем, присущих мышлению западного типа, начиная с противопоставления субъекта и объекта (такое противопоставление смягчено, сглажено на Востоке), и чуждо восприятие индивидуальной свободы как фундаментальной ценности. Общие групповые интересы воспринимаются как приоритетная ценность, стабильность, гармония и "презумпция доверия" и котируются выше, нежели формализм демократических процедур, который может угрожать общим интересам группы и гармоничности отношений внутри нее. "Боязнь нестабильности" – одна

[1] *Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение. Стенограмма.* URL: http://rg.ru/2011/12/15/stenogramma.html (проверено 26.07.2015)

из наиболее распространенных фобий в странах Северо-Восточной Азии. Дух доверия важнее, чем буква контракта.

Следует также иметь в виду различия японского и западного мышления. Восточное восприятие предполагает внутреннее понимание, а западное – действие, направленное вовне. На Северо-Востоке Азии важно вписаться в контекст, а представителям Запада важнее переломить контекст. При этом прагматизм остается характерной чертой восточноазиатского мышления, для которого в известном смысле нет ни абсолютного зла, ни абсолютного добра [Carter 2001: xii]. Прагматизм не отменяет чувства долга, которое мыслители-моралисты интерпретируют "с помощью категорий конфуцианской этики, таких как человеколюбие, верность, сыновняя почтительность..." [Карелова 2007: 212]. Свод конфуцианских правил хранит в себе потенциал огромной созидательной силы. Китайский философ Ду Вэймин, которого часто называют "современным Конфуцием", пишет: "Восточная Азия под влиянием конфуцианской культуры уже построила менее конфронтационную, менее индивидуалистичную и менее эгоистическую современную цивилизацию" [Tu Weiming 2010: 116]. Философ призывает к гармонизации западных и восточных ценностей: "Мы не имеем выбора 'или-или'" [ibid.: 114].

Соответственно различаются и способы коммуникации в Азии и в Европе [см. Чугров 2015]. На Западе коммуникация исходит из стремления любой ценой настоять на своем, а не из желания обрести гармоничный и конструктивный контакт с контрагентом. Компромисс в дальневосточном дискурсе – это изначально инструмент снижения накала спора и снятие неловкости при общении. В странах Северо-Восточной Азии переговорщик обыкновенно не противостоит собеседнику, не стремится настаивать на своем, а органично "включается" в его личное пространство. В этом смысле китайцы, корейцы, японцы далеки от полемики в западном стиле, но их последовательно извиняющееся упорство способно сломить любое сопротивление. В России же, как подчеркивают психологи, социологи и специалисты по коммуникологии (Е.Б. Шестопал, В.В. Петухов, Ф.И. Шарков, И.М. Дзялошинский и др.), дискутантам часто недостает вкуса к конструктивному компромиссу, неподдельной диалогичности коммуникации.

Эта проблема России особенно выпукло выявляет себя сегодня, когда в действиях ее западных партнеров отчетливо обозначилось "абсолютное воинственное и принимающее иррациональные формы неприятие... возвращения России в статус крупного, самостоятельного игрока на глобальной арене" [Торкунов 2010: 192]. Поэтому перед российскими исследователями встает задача изучить опыт тех стран, которые максимально эффективно противопоставляют мягкой силе Запада притягательность своей мягкой силы для создания позитивного образа Северо-Восточной Азии. Наращивает потенциал мягкой силы Китай. Мощное притяжение Китая вызывает самую острую реакцию Вашингтона. Ясно, что мы станем свидетелями "окружения Китая" очагами нестабильности разного рода. Безусловно, будут попытки развалить ШОС, вбить клин между Пекином, Москвой и Дели. "Слабой точкой" может стать Мьянма, поскольку она находится в списке приоритетов Пекина, заинтересованного в сокращении маршрутов нефтеналивных танкеров. Другого рода раздражителем для

Пекина может быть Япония, которая все глубже втягивается в территориальный спор вокруг Сэнкаку (Дяоюйдао). Токио под нажимом Вашингтона снова подтвердил свой статус "непотопляемого авианосца", а отношения Токио и Пекина могут обостриться до крайней степени. Недаром во время своего последнего визита в Японию президент Обама заявил, что военные гарантии США распространяются на острова Сэнкаку. Если бы Китай решился прибегнуть к военной силе, то столкнулся бы не столько с Японией, сколько с США. Но куда более вероятный сценарий – это длительная и изнурительная гибридная война. И здесь возможны различные конфигурации союзнических отношений. Столкнутся ли на этот раз два концептуальных подхода – Вестфальской системы, основанной на "балансе сил" и государственном суверенитете, и, если заменить *West* на *East*, "Истфальской системы" (пока еще несуществующей, виртуальной[2]), которая могла бы опираться на принцип компромиссов и гармонизации?

Япония остается среди стран, наиболее успешно и целенаправленно использующих мягкую силу [см. Green 2015]. Цель этой статьи – проанализировать стратегию и тактику мягкой силы Японии на российском и китайском направлениях.

КАКУЮ МОДЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРЕДЛАГАЕТ МИРУ ЯПОНИЯ?

У японской интеллектуальной элиты есть не один проект будущего мироустройства. Однако остановим наш взгляд на концепции **"глобальной биоэтики"**, которую предложил почетный профессор университета Аояма Гакуин (Токио) Хякудай Сакамото на конференции Центра "Восток – Запад", проходившей в Гонолулу (Гавайи) в декабре 2003 г.

Термин *bioethics* многозначен. Впервые он появился у немецкого пастора Фрица Яра (1895-1953 гг.), который в 1926 г. выдвинул оригинальную концепцию биоэтики и сформулировал – в противовес категорическому императиву Канта – биоэтический императив, требующий уважительного отношения не только к человеку, но и ко всему окружающему миру, включая животных и растения. Биоэтика как учение о нравственной стороне деятельности человека в медицине и биологии разрабатывается на Западе в 1960-х годах американским онкологом и биохимиком В.Р. Поттером для решения этических проблем, связанных с отношениями врача и пациента, эвтаназии, ксенотрансплантации, абортов. Видный японский специалист по истории буддизма Хадзимэ Накамура (1912-1999 гг.) в своих работах перевел проблемы биоэтики в более широкую плоскость этического универсализма. Японскими философами и политологами биоэтика рассматривается гораздо шире, чем на Западе – как концепция постгуманистического общества, построенного на коммунитаристских основах, в котором населению обеспечивается достойная жизнь. Но только на рубеже XX и XXI вв. Сакамото перевел биоэтику еще на более высокий – глобальный – уровень, подразумевающий регулирование

[2] В средневековой Саксонии существовал регион Истфалия, но в этой статье речь идет не об исторической области, а о воображаемой системе международных отношений, противопоставленной Вестфальской и опирающейся на "восточные ценности" (прим. автора).

международных отношений посредством этических принципов [Сакамото 2005; Sakamoto 2003].

Сакамото определяет свою глобальную биоэтику как "постмодернистскую и постгуманистическую" [Сакамото 2005: 216], провозглашает переход "от либеральных образов к коммунитаристским" [там же: 218]. Он выступает против "универсализации американских стандартов", а под глобализацией понимает "новый путь *гармонизации* (или согласования) каждого различия или конфликта между всеми культурными и социальными общностями на Земле, возникающими из многообразия современных культурных и социальных инноваций" [Sakamoto 2003: 11]. В этом – ключ к интерпретации только намечающихся контуров "Истфальской системы": в ней гармонизация отношений и уход от конфронтации должны занять место "баланса сил". Если Запад ищет общие для всех универсальные принципы, то японские интеллектуалы предлагают не жертвовать принципами, а в рамках межкультурной коммуникации проявлять бесконечную гибкость в нахождении компромиссов.

По мнению Сакамото, новая "глобальная биоэтика" не может быть универсалистской, так как в мире имеется множество ценностных систем. Политолог выдвинул идею "технологии межкультурной социальной настройки, или адаптации". Он пишет: "Чтобы создать постмодернистскую глобальную этику, мы должны принимать и гармонизировать каждое проявление антагонистических ценностей в мире. Для этой цели мы должны выработать новую социальную технологию настройки социального беспорядка не только на межнациональном, но и на межэтническом и межкультурном уровнях идеологии, выходящую за рамки теперешнего европейского гуманизма. При этом понятия 'прав человека' или 'человеческого достоинства' могут потерять то значение, какое они имели в прошлом биоэтическом мышлении западного мира" [ibidem].

Сакамото подчеркивает, что в большинстве государств Восточной и Юго-Восточной Азии, образующих "азиатский этос", статус прав человека выражен слабо, а порой они выглядят даже инородно [Сакамото 2005: 213]. Так наз. *азиатский этос* (хотя не доказано, что таковой существует) якобы имеет слишком короткую историю знакомства с западной трактовкой прав человека, а его собственный опыт базируется на традиционных морально-этических принципах гармонизации отношений, с помощью которых они стремятся побороть бедность, голод и невзгоды. Подчеркнем: не с помощью формального провозглашения "прав человека", а полагаясь на солидарность и стремление достичь процветания всего сообщества. Исследователь считает, что насильственное внедрение западного концепта прав человека вызывает отторжение и психологическую травму в азиатских обществах.

Лидеры западного гуманизма, родившегося в рамках Ренессанса и развивавшегося в XVII–XVIII вв. под влиянием Просвещения, акцентировали персональное достоинство горожан. Такой тип европейского гуманизма был антропоцентричным и одновременно европоцентричным, не распространяясь на неевропейцев – азиатов и африканцев. В глазах "азиатского этоса" Джон Локк и Иммануил Кант защищали личность как рациональное существо, обладающее набором свобод и, среди них, свободой колонизовать африканские и азиатские страны, а также свободой силой покорять природу.

Великая французская революция сформулировала "фундаментальные права человека", но под ними подразумевались права представителей христианской цивилизации [ibid.: 12-13].

"Глобальная биоэтика" имеет совсем иное происхождение. Согласно теории Сакамото, она с трудом совместима с универсализмом прав человека и потому с универсализмом европейско-американской биоэтики. Она должна включать следующие элементы:

1. *Новый гуманизм* – парадигма отношений между человеком и природой. Антропоцентризм европейского гуманизма чужд "азиатскому этосу", доминируют близость к природе и встроенность в естественную среду, не противопоставляются природное и искусственное.

2. *Минимизация прав человека*. Необходимо пересмотреть, по мысли Сакамото, представления о природе человека в направлении, отличном от философской антропологии Канта и других идеалистов, которые создали почву для идеи универсальных прав человека. Почему лишь человечество должно наделяться такого рода правами, почему они являются универсальными? Кант опирался на понятие "личности", которая по своей сути универсальна, рациональна и свободна. Но, пережив XX век, век научно-технических открытий, мы вынуждены признать, утверждает Сакамото, что понятие "личность" (*persona*), как показывает его этимология, есть только маска, и поэтому оно не может быть ни универсальным, ни априорным. Когда говорят о естественных правах, дискриминируются "нечеловеческие права", или "права нечеловеческих существ" – к примеру, растений и животных. Почему человеку отводится особое место? Необходимо принять позицию *ценностного релятивизма,* который бросит вызов западной биоэтике. Сакамото признает, что идея прав человека успешно функционирует в западных обществах, поэтому первостепенная задача азиатских народов – найти путь примирения обеих позиций, чтобы создать новую совершенную "глобальную биоэтику".

3. *Целостная гармония*. Ученый отмечает: "Я убежден, что глобальная биоэтика должна иметь в своей основе традиционные этосы каждого региона, которые могут быть совершенно отличны от европейского этоса во многих отношениях" [ibid.: 15]. Сопряжение различий – это нелегкая работа. Она должна стать важной частью "глобальной биоэтики", которая призвана гармонизировать и наводить мосты между различными этосами. Поэтому в отличие от западной, индивидуалистической биоэтики, она должна быть целостной, холистической [Сакамото 2005: 2019]. Даосизм, конфуцианство и буддизм доминируют в "азиатском этосе", а их доктрины и концепции по сути целостны. Они придают бо́льшую ценность природе, обществу, сообществу, соседству и взаимопомощи, нежели индивидуальному "я". В этом заложены возможности для холистической гармонии антагонистов. Такой тип социокультурного регулирования и именуется социальной технологией тонкой настройки (*social fine tuning technology*).

4. *Политика "глобальной биоэтики" как технологии социальной настройки*. "Я бы заменил слово 'гармонизация' на более реалистичное слово 'компромисс' или 'согласование', – отмечает Сакамото. – Я называю эту политику 'политикой диалога и согласования'. Это должно стать единственно возможным путем реализации азиатского идеала гармонии в условиях глобализма

третьего тысячелетия" [Sakamoto 2003: 15]. Несомненно, Сакамото рисует безупречную идеалистическую, если не утопическую, схему, едва ли возможную в современной вестернизированной Азии. Но как в любой схеме, здесь особенно выпукло проступают контуры дальневосточного мировоззрения (Сакамото называет его азиатским), которое, согласно концепции политолога, имеет следующие отличительные черты.

Во-первых, для жителей Восточной Азии важную роль играют согласование интересов и социальный порядок, а не личные интересы и достоинство. Гармония достигается путем определения социальных ролей и выполнения индивидами, группами, сообществами надлежащих обязательств. Согласование означает не только отсутствие конфликтов, но и душевное спокойствие.

Во-вторых, этика и социальная справедливость интерпретируются в Восточной Азии реалистически, например, как "технологии социальной настройки". Здесь отсутствуют абсолютный бог и категорический императив, свободная воля и автономия. На этом мировосприятии основаны представления о справедливости, предписания контролировать свое поведение ради поддержания социального мира. Любой этический и моральный кодекс соотносится со временем и местом, поэтому практически отсутствует почва для идей "универсальности" и "фундаментальных прав человека".

В-третьих, в "азиатском этосе", считает Сакамото, присутствует натурализм, а значит, любые человеческие действия прямо включены в природу в качестве ее частей, и границы между природным и искусственным едва уловимы. В глубинах восточноазиатского мышления и образа жизни нет противоречия между природой и человеком, субъектом и объектом. Также известно, что азиатский способ мышления не приемлет дихотомию сознания и тела. Восточноазиатский взгляд на природу также исторически отличен от европейского. Природа – это то, с чем надо сосуществовать, а не то, что должно быть подчинено. Поэтому, с точки зрения ученого, народы Восточной Азии придают б*о*льшую ценность благополучию всего сообщества, нежели своим индивидуальным интересам [ibid.: 15]. Большинство этих черт характерны для японцев (однако с существенной поправкой на вестернизацию).

В-четвертых, народы Восточной Азии не склонны стремиться к каким бы то ни было постоянству и вечности. Буддийское мировоззрение предполагает, что все вещи в "текущем мире" изменчивы и нет ничего постоянного. В противоположность этому западная культура всегда ищет инвариантное и вечное, которое остается незыблемым, проходя через любые изменения. Так, различные "консервативные законы" были установлены в истории естествознания (например, закон сохранения энергии). Аналогичным образом западная философия выработала представление об индивидуальной идентичности, которая сохраняет свои основные черты, невзирая на любые изменения. Эта идея инвариантности чужда "азиатскому этосу", в чем коренное отличие "азиатского" в*и*дения природы и человека от западного [ibid.: 15-16].

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ИЛИ НЕЧТО БОЛЬШЕЕ?

Мягкая сила наиболее эффективна, когда применяется тонко и ненавязчиво, тогда она воспринимается естественно. Мягкость изначально, с незапамятных времен близка японскому менталитету – даже на уровне подсознания.

Во-первых, вспоминается образ, впечатанный в японский ментальный код: под тяжестью снежного покрова ветка дуба обламывается, а ветка сливы накреняется и затем, выпрямившись, сбрасывает с себя гнет. В наименования японских единоборств – *дзюдо* ("мягкий путь"), *джиу-джицу* (правильно: *дзю-дзюцу*, "мягкий способ") – входит иероглиф *дзю*, означающий "мягкость".

Во-вторых, Япония намеренно отказывается от применения "жесткой силы" в политике безопасности, в соответствии с 9-й статьей конституции, в которой говорится, что "*Народ Японии в искреннем убеждении, что международный мир основан на справедливости и порядке, на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров... Право на ведение государством войны не признается*"[3].

Эта "мирная" статья и "атомная аллергия" стали частью внутреннего "я" японцев. Особенно очевидно это стало в сентябре 2015 г., когда палата представителей парламента приняла закон, несколько расширяющий полномочия Сил самообороны и позволяющий им участвовать в боевых операциях для защиты "дружественных стран" за пределами японских границ. Власти объясняют принятие такого закона серьезным усилением военного присутствия Китая в Восточной Азии, оппозиция смотрит на него как на пересмотр итогов Второй мировой войны и мирной конституции.

Японские политологи оценивают закон как крайне противоречивый и затрагивающий итоги Второй мировой войны[4]. Принятие документа сопровождалось громкими скандалами на парламентских дебатах. Обсуждение чуть было не вылилось в ожесточенные потасовки в парламенте. Автор, находясь в это время в Японии, был свидетелем того, как десятки тысяч, если не более сотни, граждан вышли на манифестации. Активисты передали в парламент более 1.65 млн подписей против пакета законов[5].

В-третьих, официальный Токио мастерски использует в своих целях имидж "необычной и непревзойденной страны", окутанной флером таинственности и привлекательности. Колоритные фестивали, пейзажи "плавающего мира", прославленные гравюрами *укиё-э*, живописные традиции превратились в инструменты мягкой силы. Репутация страны в мире воспринимается населением с ревнивой чувствительностью, что позволяет исследователям рассуждать о "японском нарциссизме" [Iwabuchi 2002: 14]. В 2004 г. был создан Консультативный совет по содействию культурной дипломатии, сконцентрировавший усилия на создании национального бренда.

Термин "мягкая сила" популярен на Японских островах. Книга Джозефа Ная "Мягкая сила" [Nye 2004] сразу после выхода в США была переведена на японский язык. Причиной стало то, что Най много пишет о Японии,

[3] Нихонкоку кэмпо (Конституция Японии). 1993. – *Кампо (Официальный вестник)*. 09.1946 – 04.1947. Токио: Тайкуся. 1993. С. 1-19. (На японском языке.)

[4] Оя Ёсиюки. 2015. Кэмпо кюдзё то соно сэйсикиан-но торон (Статья 9-я Конституции и исследование предлагаемых поправок. – *Кэмпо кэнкю (Изучение конституции)*. № 47. С. 1-36. (На японском языке.)

[5] Фудзита Масаёси. Ампо хосэй-дэ фумо-на гирон сакэё (Избежим бесплодной дискуссии по правовой системе безопасности). – *Карэнто*. 2015. № 6. С. 2. (На японском языке.) Также: Богданов Ю. Япония вооружается ради "предотвращения войны". – *Русская народная линия*. 17.07.2015. Доступ: http://ruskline.ru/opp/2015/7/17/yaponiya_vooruzhaetsya_radi_predotvraweniya_vojny/ (проверено 11.10.2015).

которая, по его мнению, обладает крупным ресурсом мягкой силы [ibid.: 139]. Он указывает на влияние такой особенности "*софто пава*" *(soft power)* Японии, как успешный опыт модернизации без ущерба для самобытной культуры. Несмотря на экономический спад 1990-х годов, привлекательность страны в целом выросла даже больше, чем в условиях бума 1960-1970-х годов: еще популярнее стали ее бытовая техника, мода, еда, искусство мультипликации. Японцам импонирует и тот факт, что Най пишет об "очаровании мягкой силы – возможности привлечь человека, а не заставить его" [ibid.: 127-128].

ЯПОНСКИЙ ФОНД – КЛЮЧЕВОЙ АГЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ

В Японии есть много организаций, укрепляющих культурные и интеллектуальные связи с зарубежными странами и пропагандирующих японские ценности. Ключевой государственный агент мягкой силы в культурных и интеллектуальных обменах – **Японский фонд** (*Кокусай корю кикин*, *Japan Foundation*), формально независимое культурное агентство, действующее под эгидой *Гаймусё* (японского МИДа).

В число главных задач Фонда входит распространение в мире японского языка. Каждые три года публикуются результаты "Исследования преподавания японского языка за рубежом". Согласно его результатам, число изучающих японский язык в России находится пока на удивительно невысокой отметке. Японский фонд внедряет все больше новаторских обучающих технологий, использующих веб-сайты для дистанционного обучения через интегрированные курсы. Причем параллельно с языком можно познакомиться с японской культурой и системой ценностей.

Таблица (Table)

Ассигнования Японского фонда на культурный и научный обмен с другими странами (первая десятка), 2012

Japan Foundation Allocations on Cultural and Research Exchange with Other Countries (top-10), 2012

Страна	Ассигнования в тыс. иен	Ассигнования, %
США	2 627 287	21,27
Китай	661 750	5,36
Франция	644 475	5,22
Южная Корея	443 831	3,59
Индонезия	360,392	2,92
Австралия	312 290	2,53
Россия	311 650	2,52
Италия	290 536	2,35
Филиппины	266 976	2,16
Германия…	247 072	2,00
Всего	12 354 818	100

Источник: Кокусай корю кикин. Хэйсэй 24 нэндо комоку бэцу гёму дзиссэй хококусё (Японский фонд. Годовой отчет за 2012 г.). Токио. 2013. С. 14. (На японском языке.)

Россия входит в первую десятку государств, находящихся на стратегическом направлении деятельности Японского фонда, однако занимает лишь седьмое место (!) вслед за Австралией. На развитие связей с Россией Фонд ассигнует почти в девять раз меньше ресурсов, чем на укрепление таких связей с США, и примерно в два раза меньше, чем на китайском направлении. При этом с США у Японии и так союзнические отношения, а с Пекином Токио находится в состоянии спора вокруг островов Сэнкаку (Дяоюйдао). Тут играют роль и многовековая связь двух стран, и желание загладить вину времен японской агрессии, и опасения перед мощью гигантского соседа. Столь же противоречивы мотивации финансирования российского направления[6].

Деятельность Фонда в России поразительно многогранна: публичная лекция "Японские сады: между фитографикой и петроглификой", заседание клуба "Кагэ" на тему "Мотивы Гэндзи-моногатари в литературе и изобразительном искусстве XVIII-XX вв.", дискуссия "Великое землетрясение 2011 года: опыт литературного исследования", фестиваль "Душа Японии", серия "Лекции на Дебаркадере" в Петербурге, ежегодные фестивали японского кино, лекции о музыке *гагаку* и ретроспективы фильмов ведущих режиссеров, фестиваль с перформансами, лекциями и выставками в Самаре, фестиваль *анимэ* в Нижнем Новгороде. Это лишь малая часть мероприятий Японского фонда. Оценим некоторые тенденции.

Во-первых, связи становятся более стабильными. Японские деятели культуры работают в нашей стране и даже в удаленных регионах. Например, Морихиро Ивата, танцовщик с мировым признанием, несколько лет служил солистом Большого театра, а сейчас работает худруком балетной труппы Бурятского государственного театра оперы и балета.

Во-вторых, отдельным пунктом среди задач на российском направлении Японский фонд выделяет молодежные программы [там же: 212]. Молодым адресован проект *Cool Japan* ("Крутая Япония"), пропагандирующий субкультуру японской молодежи (поп-музыка, гастрономические изыски, утонченная мода и *косплей*, анимация-*анимэ*, комиксы-*манга* и пр.). Среди поклонников японской поп-музыки в России приобрела известность Мику Хацунэ – программный продукт, певица-андроид, или виртуальная вокальная реальность, впервые появившаяся в 2007 г. Ежегодный *J*-Фест в Москве стал праздником японской молодежной субкультуры, приняв японских танцоров и певцов, художников-мультипликаторов и художников манги. Комиксы *манга*, несмотря на кажущуюся примитивность, восходят к лаконичным дзэнским рисункам, утонченным гравюрам *укиё-э* и эстетике каллиграфии, что объясняет креативную притягательность этого вида поп-искусства.

В-третьих, многие феномены японской культуры постепенно теряют для нас налет экзотичности и становятся привычными. Так, уникальная японская кухня стала обычным явлением с открытием сетей японских ресторанов: только в Москве их число превысило тысячу. Секции японских единоборств рабо-

[6] Объяснимо и высокое третье место Франции, единственной европейской страны в первой пятерке. Дело в том, что японцы с эпохи "открытия страны" испытывали симпатии к французской культуре, и еще в конце XIX в. японская эстетика (мягкая сила) оказала признаваемое всеми искусствоведами мощное влияние на формирование художественных вкусов импрессионистов.

тают во многих школах и университетах. В рутинном ритме функционируют клубы любителей анимэ, манга, косплея, чайной церемонии, аранжировки цветов икебана и т.д.

Не стоит, конечно, переоценивать спектр возможностей мягкой силы. Но естественно, любые политические акции имеют больше шансов на успех, если предпринимаются на фоне благоприятного восприятия культуры. Как известно, мягкая сила стоит недешево, но куда дороже – и финансово, и политически, и морально – обходится применение жесткой силы.

МЯГКАЯ СИЛА ЯПОНИИ НА КИТАЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Ситуация в японо-китайских социокультурных отношениях на первый взгляд кажется парадоксальной. Пока в 2012 г. чучело премьер-министра Японии сжигали вместе с японским флагом, а транспаранты требовали "Повернитесь лицом к истории!", "Разгромим японский милитаризм!", "Бойкотируйте японские товары!", на прилавках магазинов лежали японские комиксы "Детектив Конан", пачки журнала "Лейли", китайской версии японского модного журнала "Рэй", сериалы с популярными японскими актерами не сходили с мониторов студенческих компьютеров. В Китае популярны "коммерческие иконы" *анимэ* – Покэмон, Дораэмон, Тоторо, а также голливудские блокбастеры "Последний самурай" и "Мемуары гейши". Но те же поклонники японской поп-культуры выходят на антияпонские митинги. Сам Дж. Най предупреждал, что нельзя ставить знак равенства между мягкой силой и поп-культурой [Nye 2004: 52].

Любопытные результаты дает анализ содержания китайских медиа, позволяющий обнажить корреляцию между акциями Японии и пропагандистскими кампаниями Пекина, сопровождаемыми волнами массовой мобилизации, повышением уровня активности и сдвигами в общественном мнении. Так, в одном из японских исследований контент-анализ 12 китайских газет показал, что с обострением китайско-японских отношений на дипломатическом фронте значительно сокращается употребление в прессе положительных символов Японии (гора Фудзи, цветущая сакура, анимэ) или оценочных оборотов речи ("культурный обмен", "дружеские отношения", "китайско-японская дружба"), позитивных политических лозунгов ("стратегические, взаимовыгодные отношения", "весенний визит"). Наоборот, резко возрастает число негативных терминов – в историко-политическом аспекте ("храм Ясукуни", "нанкинская резня", "агрессия японской армии", "женщины для комфорта") для характеристики положения в Японии ("национализм", "милитаризм", "шовинизм", "ультраправые") или в вопросах безопасности ("ПРО", "изменение Конституции", "американо-японский альянс") и т.п. [Reilly 2012: 35, 230-231]. При этом увлечения молодежи японской поп-культурой практически не страдают. Возникает ощущение, что политические антипатии как бы не пересекаются с культурными симпатиями.

Японские фирмы предприняли шаги, чтобы заблаговременно "прописаться" на рынке китайской культурной сферы. Иначе разрушительные силы культурной глобализации не только сделают японское ноу-хау ненужным и неоцененным другими азиатскими странами, но и полностью изолируют

Японию от растущего рынка в Восточной и Юго-Восточной Азии, где доминирует Китай [Iwabuchi 2004: 212, 214].

Развивают активность различные образовательные, научные и культурные организации. Были предприняты попытки китайских и японских ученых приблизиться к общей трактовке военной истории. Как показали многие конференции, совместные публикации и проект "общего учебника истории" помогли противодействовать ревизионистским тенденциям в Японии и позволяют сделать предположение, что Китай и Япония приблизились на шаг к созданию согласованной версии истории. Но решающего прорыва на этом направлении не достигнуто.

Китайское направление работы Японского фонда – одно из самых приоритетных. Китай занимает вторую строчку в расходной части бюджета, и цифра расходов обнаруживает тенденцию к росту, что связано с необходимостью противодействия усилиям китайской официальной пропаганды и недоверию, порожденному зигзагами истории взаимоотношений близких соседей.

Любопытнейшее исследование было закончено в 2013 г. молодым китайским ученым в Институте японского языка Японского фонда относительно межкультурных аттитюдов китайских студентов, изучающих японский язык. Исследователя интересовали стереотипные представления о Японии и ее народе, а также общезначимые культурные аттитюды. Цзян Юн опросил 799 студентов, из которых 276 изучали японский язык. В результате анкетирования обнаружилось, что изучающие японский чаще демонстрировали позитивное отношение к Японии и ее народу. Среди их ответов преобладали такие формулировки, как "японцы добрые и сердечные", "вежливые", "Япония – страна с развитой наукой и техникой", "японцы – трудолюбивая нация", "хорошо работают в команде". Но декларировались и негативные позиции, чаще всего следующие: "японцы двуличны", "не признают превосходства", "слишком раскрепощены в сфере секса", "с японцами трудно установить доверительные отношения", "жестоки", "японское общество благоволит к мужчинам за счет неблагоприятного отношения к женщинам", "японцы изменчивы", "поддаются сильным и давят на слабых" [Цзян Юн 2013: 100-114]. Впрочем, эти стереотипные представления в большей степени характеризуют китайские представления о ценностях и довольно далеки от японских ценностных ориентаций.

Кризис, вызванный китайско-японским спором о принадлежности островов Сэнкаку, разразившийся в сентябре 2012 г., нанес ощутимый удар по конструктивным отношениям между двумя странами. Он был нанесен и по растущему сотрудничеству в рамках программ Японского фонда. Оказались свернутыми многие культурные мероприятия в рамках года обменов между Китаем и Японией. Чувствительный урон понесли и различные программы преподавания японского языка и интеллектуальных обменов. Кризис, однако, почти не отразился на финансировании китайского направления.

Некоторые обобщения

Направления шествия инновационных технологий Страны восходящего солнца по Китаю, России и странам Азии можно в какой-то мере предвосхи-

тить. По мере того, как распространяется мобильная телефония на базе смартфонов, по-видимому, появятся новшества слияния поп-культуры и японского софта, технически заметно обогнавшего не только нас, но и американцев. Более широкое распространение получат клипы исполнителей-андроидов, место однотипных звонков-рингтонов займут звуковые *mp*3-файлы, назойливые смайлики уступят место "ожившим" *Java*-эмотиконам, а примитивные компьютерные игры – виртуальным интерактивным сагам с бесконечным количеством версий сюжета, ограниченных лишь фантазией игрока. Среди жанров виртуальной культуры, которые прочно вошли в обиход в Японии и с большой вероятностью будут пересажены на российскую почву, можно выделить "мобильные романы". Это популярная литература, во многом напоминающая *мангу* с предельно лаконичными мизансценами-диалогами, умещающимися на дисплее мобильника.

Япония по-прежнему рассчитывает на мягкую силу, магнетизм и очарование своей культуры. Однако накал антияпонских настроений в КНР, Южной Корее и странах Юго-Восточной Азии показывает, что мягкое притяжение Японии, сила ее культуры, в первую очередь, поп-культуры, не обеспечивают "зеленую улицу" продвижению японских ценностей и идей. В то же время, при всей ограниченности возможностей мягкой силы, очевидно, ей нет альтернативы, если рассчитывать на улучшение отношений в обозримом будущем.

Японии есть что предложить Азии и миру в плане модели построения более гармоничных отношений с соседями. Конфуцианская модель иерархии мирового порядка на основе традиционных норм Китая вкупе с принципами биоэтики, предложенной в постулатах профессора Сакамото, если бы не взаимные обиды и претензии, были бы вполне способны в будущем заменить нынешнюю систему международных отношений, которая цепляется за "обломки" Вестфальской и Ялтинской систем.

Карелова Л.Б. 2007. *У истоков японской трудовой этики*. М.: Вост. лит. 231 с.

Катасонова Е.Л. 2012. *Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры*. М.: Вост. лит. 357 с.

Торкунов А.В. 2010. По дороге в будущее (ред.-сост. А.В. Мальгин, А.Л. Чечевишников). М.: Аспект Пресс. 476 с.

Чугров С.В. 2015. Специфика политической культуры и политического устройства Японии. – *Сравнительная политология*. Учебник. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: МГИМО-Университет. С. 679-700.

Сакамото Хякудай. 2005. Гуробару байоэссиксу-но косо (Концепция биоэтики). – *Сэймэй ронри* (Биоэтика). (Ред. Хякудай Сакамото и др.). Токио: Хокудзю сюппан 207-221 с. (На японском языке.)

Цзян Юн. 2013. Нихонго гакусюся-но ибунка нодо-ни кан-суру исёку тёса (Исследование кросс-культурных аттитюдов студентов, изучающими японский язык в Китае). – *Нихонго кёику* (Преподавание японского языка). № 154 (04). С. 100-114. (На японском языке.)

Carter R.E. 2001. *Encounter with Enlightenment. A Study of Japanese Ethics. Foreword by Yuasa Yasuo.* N.Y.: State University of N.Y. Press. xxiii+258 p.

Green H.S. 2015. The Soft Power of Cool: Economy, Culture and Foreign Policy in Japan. – *Toyo Hogaku*. Vol. 58. No. 3. P. 242-221.

Iwabuchi Koichi. 2002. *Recentering Globalization. Popular Culture and Japanese Transnationalism*. Durham, London: Duke University Press. 288 p.

Nye J., Jr. 2004. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs. 191 p.

Reilly J. 2012. *Strong Society, Smart State. The Rise of Public Opinion in China's Japan Policy*. N.Y.: Columbia University Press. 331 p.

Sakamoto Hyakudai. 2003. Globalization of Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology. – *East Asian Culture Seminar "Globalization and East Asian Culture. East-West Center, Honolulu, Hawaii, December 5-6.* Tokyo: University Research Center, Nihon University. 3-21 p.

Tu Weiming. 2010. *The Global Significance of Concrete Humanity. Essays on the Confucian Discourse in Cultural China*. New Delhi: Centre for Studies in Civilizations (CSC). 411 p.

DOI: 10.17976/jpps/2015.06.08

SOFT ATTRACTION OF JAPAN

S.V. Chugrov[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Moscow, Russia*

CHUGROV Sergey Vladislavovich, Dr. Sci. (Sociology), Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia, Editor-in-Chief of "Polis. Political Studies" Journal. Email: new-polis@politstudies.ru

Received: 22.08.2015. Accepted: 21.09.2015

The research has been conducted with financial support of the Russian Humanities Foundation (project No. 13-03-00282a)

Abstract: After the Crimean referendum was held and the war in south-eastern Ukraine broke out, Russia began looking with increasing interest towards Asian countries (e.g., China, Japan, Korea, India, countries of ASEAN), while the relations with the West were badly hit by anti-Russian sanctions. Remains of the Westphalian system, established in 1648 after the end of the Thirty Years War and based on the principle of balance of power, as well as the Yalta system have practically collapsed. Can the East offer something constructive as a replacement? The author analyzes "a new bioethics" theory proposed by the Japanese political scientist Hyakudai Sakamoto, which is based on the principle of harmonization of interests and the use of soft power. Japan is among those countries that are most effectively use their soft power to create its positive image. Firstly, Tokyo consciously renounces the use of "hard power" in its security policy that is dictated by the Article 9 of the Constitution in spite of the September 2015 amendments of military ilk. Second, ideas of the virtues of soft methods as a value are present in the national consciousness of the Japanese since ancient times. Official Tokyo efficiently and pragmatically exploits cultural diversity of the country, specifically the promotion of cultural diplomacy focuses on creating an attractive national brand. The article deals with the strategy and tactics, and methods for their use of Japan's soft power in the global world and in the Russian and Chinese directions. The author examines the reasons why the Japanese socio-cultural values has a special appeal. Analyzed are positive aspects and difficulties that accompany the establishment of intercultural dialogue. A separate analysis is devoted to the diverse aspects of the Japan Foundation's activities, the main agent of the Japanese soft power.

Keywords: Russia; Japan; China; Asia; East; The Westphalian system; soft power; Russia's image; political culture.

References

Carter R.E. *Encounter with Enlightenment. A Study of Japanese Ethics.* Foreword by Yuasa Yasuo. N.Y.: State University of N.Y. Press. 2001. xxiii+258 p.

Chugrov S.V. Spetsifika politicheskoi kul'tury i politicheskogo ustroistva Yaponii [The Specifics of Political Culture and Political Structure of Japan]. – *Sravnitel'naya politologiya. Uchebnik*. [Comparative Politics. Textbook. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina]. Moscow: MGIMO – University. 2015. P. 679-700. (In Russ.)

Green H.S. The Soft Power of Cool: Economy, Culture and Foreign Policy in Japan. – Toyo Hogaku. Vol. 58. No. 3. 2015. 242-221.

Jiang Yong. Nihongo gakusyusya ibunka nodo ni kan suru isyoku tyosa [Study of Cross-cultural Attitudes of Students Learning Japanese in China]. – *Kyoiku Nihongo* [Japanese Language Education]. 2013. No. 154 (04). P. 100-114. (In Japanese.)

Iwabuchi Koichi. *Recentering Globalization. Popular Culture and Japanese Transnationalism*. Durham and London: Duke University Press. 2002. 288 p.

Nye J.Jr. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 2004. 191 p.

Karelova L.B. *U istokov yaponskoi trudovoi etiki* [At the Origins of the Japanese Labor Ethics]. M.: Vostochnaya Literatura. 2007. 231 p. (In Russ.)

Katasonova E.L. *Yapontsy v real'nom i virtual'nom mirakh: ocherki sovremennoi yaponskoi massovoi kul'tury* [Japanese in the Real and Virtual Worlds: Essays on Contemporary Japanese Popular Culture]. Moscow: Vostochnaya literature. 2012. 357 p. (In Russ.)

Reilly J. *Strong Society, Smart State. The Rise of Public Opinion in China's Japan Policy*. New York: Columbia University Press. 2012. P. 331.

Sakamoto Hyakudai. Gurobaru baioesikkusu no koso (Concept of Bioethics). – *Seimai ronri* (Bioethics). Ed. By Hyakudai Sakamoto et al. Tokyo: Hokuju shuppan, 2005. 207-221 p. (In Japanese.)

Sakamoto H. Globalization of Bioethics as an Intercultural Social Tuning Technology. – *East Asian Culture Seminar "Globalization and East Asian Culture"*. East-West Center, Honolulu (Hawaii), 5-6.12. Tokyo: University Research Center, Nihon University. 2003. 3-21 p.

Torkunov A.V. *Po doroge v budushchee* [On the Road to the Future]. Moscow: Aspect Press. 2010. 476 p. (In Russ.)

Tu Weiming. *The Global Significance of Concrete Humanity. Essays on the Confucian Discourse in Cultural China*. New Delhi: Centre for Studies in Civilizations (CSC). 2010. 411 p.